

Глава 7

Тот голос — красивый, но до невозможности самодовольный — снова зазвенел в голове. Харе подпрыгнул на месте, словно испуганный щенок с вздыбленной шерстью.

Он взлетел на развалившуюся больничную кровать, сжимая руку — ту, которой подбирал палец, — и раздражённо бросил:

— Почему ты всё ещё здесь? Ты вообще что такое?!

—? — Сукуна до этого развалился на грудё костей, подпирая подбородок ладонью и с ленивым видом наблюдая за ним. Вопрос застал его врасплох. Он чуть выпрямился и приподнял бровь.

— Ты маг — и не знаешь, кто я?

Только что наблюдал, как тот отбивал его палец у целой толпы проклятых духов. Решил было — парень понимает, с чем имеет дело. Оказалось, просто слепец, не отличающий ценного от мусора. Хорошенькие глаза, да что с того.

— Ну и что с того? — Харе ничуть не впечатлился. — Ты знаменитый? Я обязан тебя знать? Да хоть бы ты и был самым известным магом в мире — ты всё равно круче моего папы, что ли?

Сукуна:...

Тысячелетнее проклятие лениво изогнуло уголок рта — как от какой-то нелепой шутки. Ради солидарности — всё-таки оба проклятия — он великодушно решил простить этому мальку его дерзость.

Но взгляд сам собой скользнул вниз, к красной цепи, обвивавшей щиколотку, — и настроение мгновенно испортилось.

— Твой папа? Ты, проклятое чрево...

— Ладно, кто? — бросил он небрежно. Хотя, признаться, и впрямь стало немного любопытно: что это за красная цепь и чья техника?

Харе воспринимал голос в голове как нечто грязное — собственный морок, галлюцинацию. Но в первые дни здесь было совсем не с кем поговорить, а настоящую историю он не мог рассказать никому. Потому и смягчился поневоле. А уж как речь зашла о Годжо Сатору — лицо тут же просветлело, синие глаза изогнулись в улыбке:

— Он...

— Тук-тук. — В дверь медпункта дважды постучали. Харе осёкся на полуслове — и в ту же секунду принял самый примерный вид, сложив руки на коленях:

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге стоял высокий мужчина в костюме с тёмными кругами под глазами; он приветливо улыбнулся.

— Здравствуй. Я Фукуяма, вспомогательный куратор. Яга-сэнсэй попросил меня зайти.

Говорил он неожиданно робко — совсем не вязалось с внушительной фигурой. И смотрел на Харэ с тем особым выражением, которое бывает у людей, когда они жалеют кого-то, — без малейшей враждебности, просто с жалостью.

За дверью он слышал, как парнишка разговаривал сам с собой. Вошёл — увидел такого хорошенького ребёнка, что сердце невольно сжалось. Эх, маги — точно не для нормальных людей. Ещё один свихнулся.

— Сначала провожу тебя поесть, потом покажу школу, — произнёс Фукуяма как можно мягче.

Харе приветливо кивнул и вышел следом, думая про себя, что в Косэне народ оказался весьма приятным.

Они прошли по коридорам, затем через небольшой лесок. Здания вокруг — до боли знакомые — почти в точности совпадали с тем образом, что жил у него в памяти. Харе шёл чуть рассеянно, вполуха слушая рассказ Фукуямы, и думал об одном: когда же вернутся те двое. Скорее бы. Он поймал себя на том, что отчаянно хочет их видеть — именно ради них он и очутился здесь.

Судя по документам из архива, он попал сюда на тринадцатый день после поступления Годжо Сатору и Гето Сугуру. Место командировки совпадало. Харе помнил по записям: задание оказалось несложным — проклятого духа они ликвидировали в ту же ночь, как добрались до Тотиги.

А потом — по настоянию Годжо, разумеется — оба прогуляли целый день, бродили по Тотиги, накупили гору сувениров и вернулись. Яга был в ярости и заставил обоих писать объяснительные.

Как здорово~ Харе живо представил это — и не удержался, фыркнул. Фукуяма обернулся с недоумённым видом:

— Всё в порядке, Харэ-кун?

Они как раз поравнялись со студенческим общежитием. Харэ мотнул головой. Сквозь коридорное окно, взглядом шести глаз, он различил в двух комнатах бледно-синие следы проклятой энергии.

Ноги сами замедлили шаг. Он потянул носом воздух. И что-то тихонько сжалось в груди.

Этот запах проклятой энергии... такой знакомый.

Это их комнаты!

Харэ замер на месте, не в силах двинуться дальше. Как же хотелось ворваться туда прямо сейчас, упасть ничком в мягкие одеяла, поваляться там, где следов проклятой энергии больше всего.

Он так по ним соскучился. Хотя времени вместе у них было совсем немного.

Но — не при Фукуяме же. Тот бы точно перепугался. Немедленно доложил бы Яга-сэнсэю. Сцены сами собой разворачивались в голове: «Этот мальчик — полный псих!», «Таким в Косэне не место!», «Он явно болен». И Яга выставит его за ворота.

Но... при этом...

Как говорится — раз уж пришёл.

Харэ с тоской смотрел в ту сторону — и вдруг увидел: дверь в конце коридора распахнулась, и оттуда вышел тот самый Дэндзи, с которым они виделись минут пятнадцать назад. Оба шишки на голове никуда не делись. Парень зевал и тащил в охапке плетёный таз с бельём — явно идти вешать.

Он брёл с полусонным видом, но почувствовал взгляд и медленно повернул голову. Взгляды встретились — и его тут же как подменили:

— Котлета из говядины!

— Янтарный сахар, — почти одновременно выдохнул Харэ. Едва увидел его — сразу вспомнил о слопанных сувенирах. Вырвалось словцо покрепче; он покосился на соседнюю комнату и мысленно посочувствовал жильцу:

— Бедолага, кто бы там ни жил...

— Что-что, Харэ-кун? — Фукуяма, не расслышав, встревоженно обернулся.

— Ничего. — Харе отвёл взгляд, ещё раз посмотрел на комнаты Годжо и Гето, глубоко вдохнул и взял себя в руки. Решено: пока не вернутся — вести себя паинькой.

Он спокойно пошёл следом за Фукуямой.

Дэндзи с тазом белья:???

Хаякава Аки вышел из комнаты покурить. Холодным взглядом проследил за удаляющимся силуэтом Харэ, потом покосился на Дэндзи. Тот, надув губы, бубнил:

— Ну чего такого! Обещал три котлеты из говядины — и где они?! И с сахаром — Пауэр же больше съела, а мне...

Аки, не говоря ни слова, выпустил колечко дыма и спокойно сказал:

— Завтра пойдем. Купим тот сахар.

— Зачем? — Дэндзи наклонил голову, потом вдруг просиял. — Ты купишь нам!! Эй, Хвостик, ты сегодня такой добрый!!

Он уже ощерился в широкой акульей улыбке и принялся радостно колотить Аки по плечу. Тот не изменился в лице — лишь стряхнул пепел и без замаха щёлкнул его по лбу:

— Кто добрый. Возмещение ущерба.

Поев, Харе руководствовался простым принципом: только пришёл — веди себя тихо. Под опекой Фукуямы получил всё необходимое и отправился в комнату.

Сам считал, что держался образцово.

И даже представить не мог, что эта короткая примерность обернётся долгой злобой.

Почему?!

Одно общежитие, один дом — почему его комнату разместили так далеко от комнат папы и мамы?!

Почему их комнаты рядом, а его запихнули в самый дальний конец коридора — предпоследняя от стены?!

И что самое невыносимое — между ними одни пустые комнаты. Все. До единой!!

А самое-самое невыносимое — последнюю занимает тот самый рыжий, стащивший его сладости!!

Выходит, «несчастный бедолага» — это он сам!!

Харе проворочался всю ночь. Несколько раз порывался ворваться к Дэндзи, поднять его и устроить потасовку — хоть выпустить пар. Каждый раз сдерживался.

Так и не сомкнув глаз, он начисто позабыл о голосе в голове. А на следующее утро в классе познакомился с молодой Иэири Сёко.

В ту пору она носила короткую стрижку и держалась живее, чем он её помнил: сама заговорила с новеньким, потянулась в карман и протянула леденец.

— Странно, но когда смотрю на тебя — прямо как на племянника, — призналась она, вертя меж пальцев незажжённую сигарету. — Хочется угощать.

— Непонятно почему... Когда смотрю на Годжо или на Гето — такого совсем нет.

Харе захрустел леденцом — и едва не откусил его целиком от неожиданности. Решил, что раскрыт.

Но Сёко просто произнесла это вслух, без задней мысли.

— Хаха... Мне тоже говорили, что выгляжу вечным младшим, — пробормотал Харе, собравшись с духом.

Он огляделся — немного парт, негусто.

— А тот Дэндзи, что живёт рядом со мной, — на занятия не ходит?

— У него и у Пауэр особый статус — они в спецотряде, под командованием Хаякавы, — Сёко откинулась на спинку стула, дотронулась до слезинки-родинки под глазом и усмехнулась. — Яга-сэнсэй поначалу требовал, чтобы они тоже приходили. Но после того как те двое устроили в классе борьбу сумо, проигравший грыз парту, они спалили класс, пытаясь сварить удон, и прихлопнули тетрадь с конспектами Яга тараканом... сэнсэй вернул их Хаякаве.

— Это же так смешно! — Харе хлопал ладонью по парте, давась смехом. — Можно представить лицо Яга-сэн... сэнсэя, хаха!

Сёко посмотрела на него сбоку и вдруг, как бы невзначай, сменила тему:

— Кстати... ты как-то связан с Годжо Сатору?

— Ха — кхм... — Харе поперхнулся на полусмехе, щёки залились румянцем.

— Н-ну... не знаю.

— Расслабься, — Сёко сбросила серьёзный вид и небрежно улыбнулась. — Просто этот тип носитя с тем, что его знает весь мир магии. Новый человек появился — ну и спрашиваю на всякий случай~

— А-а...

Вот это номер. Оказывается, Сёко-сан — тот ещё скрытный коварный тип!

Ещё один мучительный день миновал. На следующий, около полудня, они с Сёко шли в столовую — и проходили мимо коридора, ведущего к кабинету Яга. Оттуда доносился шум.

Харе встал как вкопанный.

Сёко заглянула туда:

— О, эти двое вернулись. Ты ведь ещё не знаком с ними? Подождём немного.

— Угу... — Харе деревянно кивнул. Сердце ухнуло и забилось с удвоенной силой.

Что делать что делать что делать что делать!

Сейчас встреча. Вот сейчас!

Они меня узнают?

Что говорить?

Как обращаться?

Па... па? Мама? Или — Сатору и Сугуру?

Аааа, так страшно! Так хочу увидеть, какими они были молодыми!

Почему-то голова кружится...

— Харэ?

Эта колонна что — качается?

— Харэ?

Сёко зовёт. Ах. В груди тесно, дышать не получается...

— Харэ, что с тобой?

От нервного напряжения лицо его вдруг побелело. На лбу выступила испарина, в стиснутых кулаках ощутимо взмокли ладони.

В ушах стоял звон. Голос Сёко доносился словно сквозь вату. Харэ расстегнул пуговицы тёмно-синей форменной куртки и медленно выдохнул:

— Всё нормально. Наверное, жарко.

Даже собственный голос звучал глухо.

— Жарко? — Сёко озадаченно посмотрела на него. — Сейчас же только апрель.

В ушах по-прежнему гудело — точно прибой. Харэ уставился в квадраты плиток под ногами, пытаясь унять этот шум.

— Ах... больно, вот Яга-сэнсэй и впрямь становится всё вспыльчивее~

Лёгкий, беспечный голос — он прорезал звон в одно мгновение. Гул в ушах схлынул, как отступающая волна.

Харе поднял голову — медленно, точно механически. Взгляд его, дрожащий, синий, как

льдинка, упал на две высоких красивых фигуры в дверях.

<http://bllate.org/book/19043/1916423>